

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
«Слово о полку Игореве»	7
<i>Аввакум Петров. «Житие протопопа Аввакума»</i>	<i>31</i>
<i>Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»</i>	<i>57</i>
<i>Николай Карамзин. «Бедная Лиза»</i>	<i>89</i>
<i>Александр Пушкин. «Евгений Онегин»</i>	<i>117</i>
<i>Александр Пушкин. «Цыганы»</i>	<i>143</i>
<i>Александр Грибоедов. «Горе от ума»</i>	<i>169</i>
<i>Александр Пушкин. «Борис Годунов»</i>	<i>191</i>
<i>Александр Пушкин. «Повести Белкина»</i>	<i>211</i>
<i>Александр Пушкин. «Маленькие трагедии»</i>	<i>229</i>
<i>Николай Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки»</i>	<i>253</i>
<i>Александр Пушкин. «Медный всадник»</i>	<i>271</i>
<i>Николай Гоголь. «Невский проспект»</i>	<i>299</i>
<i>Александр Пушкин. «Пиковая дама»</i>	<i>315</i>
<i>Николай Гоголь. «Портрет»</i>	<i>337</i>
<i>Николай Гоголь. «Нос»</i>	<i>357</i>

<i>Николай Гоголь. «Записки сумасшедшего»</i>	381
<i>Николай Гоголь. «Старосветские помещики»</i>	401
<i>Александр Пушкин. «Капитанская дочка»</i>	429
<i>Николай Гоголь. «Ревизор»</i>	441
<i>Михаил Лермонтов. «Демон»</i>	467
<i>Михаил Лермонтов. «Герой нашего времени»</i>	495
<i>Николай Гоголь. «Мёртвые души»</i>	531
<i>Николай Гоголь. «Шинель»</i>	565
<i>Фёдор Достоевский. «Бедные люди»</i>	583
<i>Иван Тургенев. «Записки охотника»</i>	603
<i>Лев Толстой. «Детство. Отрочество. Юность»</i>	623
<i>Александр Герцен. «Былое и думы»</i>	647
<i>Александр Сухово-Кобылин. «Картины прошедшего»</i>	667
<i>Лев Толстой. «Севастопольские рассказы»</i>	695
<i>Иван Тургенев. «Дворянское гнездо»</i>	723
<i>Иван Гончаров. «Обломов»</i>	743
Примечания	767
Список литературы	788
Источники иллюстраций	813
Об авторах	821

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эту книгу вошли статьи, написанные авторами проекта «Полка»: появившийся в 2017 году, этот проект поставил своей целью определить важнейшие произведения русской литературы и предложить современное их прочтение. Команда «Полки» во главе с Юрием Сапрыкиным обратилась к большому сообществу экспертов — писателей, литературоведов, издателей, критиков, преподавателей — и сформировала список из 108 произведений, которые оставили след в истории, расширили возможности литературы, повлияли на развитие языка, мысли и общества, сообщили что-то новое о мире и человеке, вошли в русский литературный канон. Это романы, повести, рассказы, пьесы, поэмы, литературные мемуары. За пределами списка остались поэтические сборники, исторические и философские тексты, нехудожественная литература. Нельзя объять необъятное, но каждое из 108 произведений мы старались поместить в широкий литературный контекст, рассказать о других текстах, которые повлияли на него и на которые повлияло оно. Мы верим, что канон — это не данность, а изменчивое явление и он не должен подменять собой всё сложное и постоянно прирастающее поле литературы. Вместе с тем в процессе работы нам стало яснее, где пролегают границы того, что можно назвать классикой: старейшее произведение в списке «Полки» — «Слово о полку Игореве»; новейшее — «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина. Между этими точками уместается восемь столетий — и главный расцвет, как увидят читатели, приходится на XIX и XX века. У нас был не один, а два золотых века литературы.

В статьях мы старались ставить вопросы, которые могут возникнуть у читателей русской литературы: и у тех, кто читает Пушкина, Некрасова, Платонова или Петрушевскую впервые, и у тех, кто перечитывает их вновь и вновь; и у тех, от кого требует знаний школьная

или вузовская программа, и у тех, кто читает классику для себя, для собственной радости. Мы старались рассказать об этих книгах ясно и доступно. Мы опирались на обширную научную и критическую литературу, но, работая над статьями, сами каждый день совершали свои маленькие, личные читательские открытия — и надеемся, что и вы совершите свои собственные.

После нескольких лет существования в интернете теперь «Полка» переходит на бумагу, в ту полновесную форму, которую создатели проекта так любят и ценят, — форму книги. Мы от души благодарим издательство «Альпина нон-фикшн», поддержавшее идею издания книги ещё в самом начале работы. Мы очень надеемся, что бумажная «Полка» поможет нам, а самое главное, нашим любимым книгам найти новых, внимательных читателей.

Первые два тома нашего издания — это 60 текстов, русская литература со времени Древней Руси до 1917 года. Впереди, надеемся, — тома о книгах XX века. В тома 1 и 2 вошли статьи приглашённых авторов — Алексея Вдовина, Михаила Велижева, Виктории Гендлинной, Кирилла Зубкова, Игоря Кириенкова, Вячеслава Курицына, Майи Кучерской, Дениса Ларионова, Михаила Макеева, Александра Маркова, Игоря Пильщикова, Дмитрия Сичинавы, Александра Соболева, Игоря Сухих, Татьяны Трофимовой, Ивана Чувиляева, Валерия Шубинского — и сотрудников «Полки»: Юрия Сапрыкина, руководившего проектом до 2021 года, редакторов Варвары Бабицкой, Льва Оборина, Елены Макеенко (1986–2019) и Полины Рыжовой. За подбор иллюстраций отвечала фоторедактор «Полки» Катерина Мигаль; над материалами и изданием работала также команда «Полки» — Мария Андриюкова, Лианна Акопова, Елизавета Подколзина, Аделина Шайдуллина, Светлана Цепкало, Ирина Колычева.

«Полка» не состоялась бы без поддержки Анастасии Чухрай и автора идеи проекта Дмитрия Ликина — и, конечно, без интереса читателей. Спасибо всем, кто пройдёт вместе с нами этот путь — от «Слова о полку Игореве» до Пелевина и ещё дальше.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

*Главный памятник древнерусской
литературы. Эпическая песнь,
в подлинность которой не верило
множество учёных. История военного
поражения, обернувшегося
вечной славой.*

КОММЕНТАРИИ: ДМИТРИЙ СИЧИНАВА

О чём эта книга?

«Слово о полку Игореве» — это героический эпос не о победе, а о поражении: об отважном походе (*пѣлкѣ* по-древнерусски и значит «поход») князя Игоря Святославича (1151–1201/1202) на половцев из города Новгорода-Северского. Поход этот состоялся весной 1185 года. Вопреки грозным предзнаменованиям — таким как солнечное затмение, — Игорь ведёт свои войска против всей мощи Половецкой степи. Его армия, после первых успехов, разгромлена, он ранен и попадает вместе со своей роднёй в плен. Автор как будто бы не удерживается от осуждения его безрассудства. Но всё же князю — при помощи сил природы (птиц, зверей и реки Донца) — удаётся бежать, и рассказ кончается радостью и здравицей Игорю, его брату, сыну и дружине. Этот неоднозначный эмоциональный фон очень важен для произведения. Как писал русский поэт Владислав Ходасевич, лишь мимоходом высказавшийся о древней литературе, «почти всё «Слово» подёрнуто мрачным, пепельным светом солнечного затмения, с описания которого оно начинается. Но сквозь мрак, точно из-под тучи, пробиваются косвенные лучи солнца. <...> Надо отдать справедливость: кто-то из исследователей сказал, что в «Слове о полку Игореве» радость и скорбь «обнимаются». (Ходасевич имеет в виду филолога Е. В. Барсова; эти слова были известны ему, возможно, по комментированному школьному изданию «Слова».)

Вылазка Игоря показана на грандиозном фоне истории Руси и её взаимоотношений со Степью, княжеских усобиц. В ней есть ряд отступлений, посвящённых эпизодам из жизни князей XI и XII веков, зловещий сон киевского князя Святослава и плач жены Игоря Ярославны, просящей у стихий вернуть её милого. А ещё автор обращается с призывом к князьям — современникам Игоря, прося их забыть внутренние распри и дать бой половцам, отомстив за Русь и раны Игоря. При такой насыщенности содержанием «Слово» — очень короткий текст, всего примерно 2700 слов и 14 200 с лишним букв. Если не делить на абзацы — только пять страниц двенадцатым кеглем.

Когда она написана?

Вопреки мнению скептиков, «Слово о полку Игореве» — это подлинное древнерусское произведение. Оно не подделано в 1790-х годах, когда стало впервые известно образованной публике. И даже то обстоятельство, что его единственная рукопись сгорела в 1812 году, не мешает сделать однозначный вывод.

Битва Игоря Святославича с половецкими войсками на реке Каяле.

Поражение русских войск.

Две миниатюры из Радзивилловской летописи. Около XV века

Откуда мы это знаем? Это показывает лингвистика — самая точная из гуманитарных наук. В языке «Слова» много древних языковых черт, которые люди XVIII века никак не могли подделать. Эти черты были выявлены только наукой последующих веков, некоторые — совсем недавно. Кроме того, «Слово» очень похоже на «Задонщину» — произведение XV века (или, может быть, конца XIV) о Куликовской битве: в них почти совпадают целые фрагменты текста, но при этом язык «Слова» гораздо архаичнее. Значит, по крайней мере в XV веке «Слово» уже существовало и пользовалось определённой известностью (кстати, сгоревшая в 1812 году рукопись, судя по деталям орфографии и диалектным чертам, примерно тогда и была переписана, причём где-то в псковском регионе), а автор «Задонщины» Софоний Рязанец, переделывая «Слово» в новое сочинение, модернизировал и язык в соответствии с тем, как сам говорил. Ситуация совершенно стандартная для средневековой книжности. Версию, согласно которой фальсификатор XVIII века, наоборот, мог «перевести» «Задонщину» (никому тогда не известную и опубликованную только полвека спустя) на ранний древнерусский язык, исправив в ней десятки тонкостей на то, что было обычно для домонгольского периода, лингвисты всерьёз не рассматривают. Тогда получится, что это был некий научный гений, создавший целую дисциплину с нуля, опередивший её на два века, не выдавший себя ничем и тщательно скрывший все свои достижения от потомства. Наиболее подробные доказательства этого принадлежат двум великим русским лингвистам XX века — Роману Якобсону и Андрею Зализняку.

Итак, «Слово» написано раньше XV века — и, конечно, после весны 1185 года, когда Игорь ходил на половцев. А можно ли сказать точнее? Лингвистика отвечает: не позже XIII века, потому что целый ряд представленных в «Слове» древних признаков позже не встречается в рукописях вообще. А точная датировка остаётся предметом менее строгих гипотез, которые выдвигают историки и литературоведы. Например, часто звучит такой аргумент: произведение должно было быть актуальным для слушателей, значит, князя, которых автор зовёт на половцев, тогда были живы, а многочисленные намёки на события предыдущих лет — понятны без комментариев. Князь Ярослав Галицкий, которого автор «Слова» называет «Осмомысл» («в том смысле, кажется, что один его ум заменял *восемь* умов», как сказал Карамзин), отец Игоревой жены Ярославны, умер в 1187 году. Вот и очень хорошая узкая датировка, с точностью до двух лет; если вспомнить, для скольких древнерусских памятников у нас нет и этого, в принципе, тут можно и остановиться. Многие исследователи считают, что «Слово» написано

вообще по горячим следам, в самом 1185 году, когда Игорь только вернулся из плена, успев договориться о браке своего освобождённого позже сына и дочери половецкого хана (это событие тоже упоминается в тексте). Некоторые авторы, однако, признавая древность «Слова», считают, что злободневность для него необязательна и его могли написать уже после смерти Ярослава и даже Игоря. Лев Гумилёв, известный и другими экстравагантными взглядами на историю отношений Руси со Степью, считал, что «Слово» написано в XIII веке, уже после нашествия монголов, и представляет собой аллереорию — что-то вроде шифровки эзоповым языком, где под видом половцев выведены монголы, а под именами Игоря и Ярослава куда более знаменитые правители следующей эпохи — князь Александр Невский и король Даниил Галицкий. Лингвистическим данным это не противоречит, но научное сообщество историков и литературоведов эту теорию не приняло.

Как она написана?

«Слово» — произведение, несмотря на свою краткость, очень разнообразное по стилю, риторике и лексике. В нём чередуются обращения к слушателям (или читателям; распространена гипотеза, что «Слово» — памятник торжественного красноречия, рассчитанный на исполнение вслух), лирические картины природы, прямая речь героев, авторские призывы (например, повелительное наклонение «стреляй!»), эпические описания событий из недавней и давней истории. Последовательное изложение событий все время перебивается «флешбэками», автор вместе со слушателями переносится то в прошлый, XI век, то на другой конец Руси; вставные эпизоды перекликаются с современностью и придают походу Игоря исторический масштаб.

В «Слове» есть поэтический ритм и аллитерации, хотя это не совсем стих в привычном нам смысле. Весь текст связывает в единое целое сложная система лейтмотивов, рефренов, повторов и перекличек: одни и те же словосочетания или даже предложения повторяются в разных контекстах. Это подчёркивает амбивалентную эмоциональную окраску произведения. Слова «свѣтъ повѣдають» встречаются дважды: в благоприятном (соловьи «веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають» и помогают Игорю бежать из плена) и зловещем контексте: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають». «Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають», предвещающая нашествие половцев, в то время как князь Святослав, наоборот, «взмути рѣки и озеры», побеждая кочевников, а «стук» земли упоминается как благоприятное

предзнаменование при бегстве Игоря. Перед боем у курян «лучи (луки) напряжены, тули (колчаны) отворены», а в плаче Ярославны, наоборот, говорится, что солнце у войска Игоря «лучи съпряже, тули затче» (луки расслабило, колчаны заткнуло). Готские красавицы поют у моря, звеня трофейным русским золотом, — а в финале «Слова» «дѣвици поють на Дунаи», празднуя освобождение Игоря. Ряд лейтмотивов повторяется со схожим значением (далеко слышный звон, преклонившееся к земле в горести дерево, золотое стремя, земля, посеянная костями или усобицами, «кующаяся» крамола).

Переходы от одного эпизода к другому достаточно резки; новые предложения в «Слове» в 2/3 случаев начинаются без союза. С художественной точки зрения это производит впечатление наподобие резкой смены планов и эпизодов в кино. Это очень необычная для русского средневекового текста черта. Но ни о какой подделке она не свидетельствует: почти так же написаны некоторые редакции «Задонщины» (причём, как только составитель «Задонщины» перестаёт копировать «Слово» и начинает сочинять сам, из-под его пера союзы снова появляются — это, наоборот, доказательство первичности и подлинности «Слова»).

«Слово» насыщено сравнениями, олицетворениями и другими образами, а также нечастой для других памятников лексикой. Важную роль в образности «Слова» играют имена божеств.

Что на неё повлияло?

Принято считать, что «Слово» уникально. И первые издатели, и Пушкин, и Набоков говорили о «Слове» как об «уединённом памятнике» в «пустыне» или «степи» русской словесности — где, как по умолчанию считалось, ничего достойного не могло быть вплоть до Петра. На скучноватом для человека Нового времени фоне оригинальных поучительных и переводных богослужебных текстов, «миней и палей», как по другому поводу сказал Вениамин Каверин, текст, напоминающий о европейском Средневековье («Нибелунгах» или «Песни о Роланде»), а где-то и о поэзии Возрождения и более близких к нам эпох, казался человеку XIX–XX веков удивительной игрой природы — даже не культуры. По счастливой случайности, «Слово» было всё же замечено антикварами екатерининского века перед московским пожаром — иначе, как казалось, ни о какой древнерусской литературе говорить было бы нечего.

Первые читатели «Слова» в 1790-е годы, да и многие последующие поколения ещё мало знали о средневековой литературе и культуре Руси. Сейчас нам известно уже очень много параллелей к «Слову»,

которые могут быть непосредственно связаны с ним или принадлежать той же традиции. Культура Руси XII–XIII веков действительно была преимущественно церковной: её, по крайней мере письменную часть, создавали в основном монахи и священники. Но в ней была и более светская линия. Такое сосуществование традиций характерно для византийской образованности того же времени (в культуре Византии, в отличие от Руси, была ещё и живая античная составляющая). В сгоревшей рукописи, кроме «Слова о полку Игореве», был также список перевода византийского воинского романа о добывании невесты «Дигенис Акрит» («Девгениево деяние»), тоже XII века; этот перевод был позже найден в других редакциях. Кстати, «Дигенис», как и «Слово», «пограничный эпос», среди его героев и христиане, и варвары-иноверцы, между ними возможно тесное общение и даже браки (как у Владимира с «красной девицей» Кончаковной).

Эта культура находила поддержку прежде всего при княжеских дворах. Сам автор «Слова» ссылается на своего предшественника Бояна — придворного певца нескольких князей XI века. Хваля его, стилизуя и цитируя, он в то же время заявляет, что не намерен следовать его манере. Из жития Феодосия Печерского известно, что при княжеском дворе в XI веке действительно было принято держать играющих и поющих гусликов — автор-монах говорит об этом неодобрительно, но подчёркивает, что это «обычай есть перед князем», признавая нечто вроде культурной автономии светских правителей. Известно и о других светских придворных развлечениях, идущих из Византии или с Запада. В Ипатьевской летописи упоминается, что в Руси XII века венгерские всадники устраивали нечто вроде рыцарских турниров («игра на фарех»). В лестничной башне Софии Киевской сохранились фрески с изображением византийского зимнего маскарада («брумалий»), скоморохов, музыкантов и охоты, иллюстрирующие сюжет о приезде княгини Ольги в Царьград. В «Поучении Владимира Мономаха» (начало XII века) также детально изображены рискованные княжеские охоты. Кстати, эта уникальная автобиография древнерусского князя тоже сохранилась в единственном списке — в составе Лаврентьевской летописи, которая также была в собрании графа Мусина-Пушкина. Конечно, если бы она тоже сгорела, в её подлинность многие бы не поверили, но буквально за несколько месяцев до пожара её взял почитать Карамзин. В рассказе Мономаха, как и в «Слове», упоминается «лютый зверь» (эвфемизм для какого-то крупного хищника), и этот отрывок написан с небольшим числом союзов, как и «Слово о полку Игореве», что придаёт ему характерный ритм:

А се в Черниговѣ дѣяль есмь: конь диких своиа рукама связать есмь, въ пу[ш]ах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того иже по рови ѣзда ималь есмь своиа рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура ма 2 метала на розѣх и с конемъ, влень ма вдинъ боль, а 2 лоси вдинъ ногами топталъ, а други рогама боль, вепрь ми на бедра мечь втталъ, медвѣдь ми у колѣна подыклада оукусилъ, лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже; и Богъ неврежена ма съблюде. И с конѣ много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ оуности своеи вередих, не блюда живота своего, ни щада головы своея.

«А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конѣм, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бѣдра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

Перевод Д. С. Лихачёва

Параллели со «Словом» находятся и в церковных текстах домонгольской Руси. Например, противопоставление своего оригинального творчества старому песнопевцу Бояну, казалось бы нетипичное для Средневековья, находит аналогии в «Слове на воскресение Лазаря» (XII–XIII века), где царь Давид в аду говорит пророкам и праведникам: «Воспоим весело, дружино, песни днесъ, а плач отложим и утешимся! Се бо время весело наста...», причѣм делает это, кладя «очитые (зрячие) персты» «на живыя струны», как и Боян в «Слове». Похожее противопоставления есть и в переводной «Хронике Георгия Амартола», и в оригинальных проповедях Кирилла Туровского*.

Надпись о смерти Всеволода Мстиславича (1138) в Благовещенской церкви на Городище под Новгородом, найденная в 2017 году, содержит лексическую параллель к написанному спустя полвека «Слову», одному из самых лиричных его мест: «Уныло баше сердце ихъ тугою

* Кирилл Туровский (1130 — ок. 1182) — богослов, писатель. Принял постриг в Туровском Борисоглебском монастыре, жил в затворничестве. Благодаря богословским трудам был рукоположен в епископы. Канонизирован Русской православной церковью в лике святителя. — *Здесь и далее — прим. ред.*

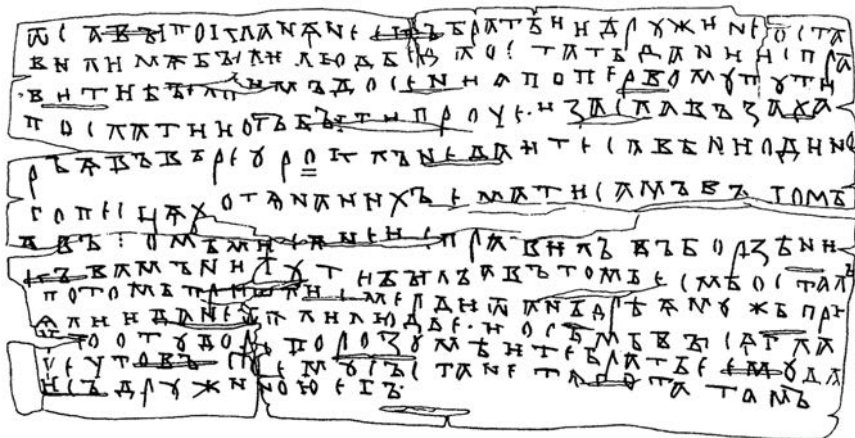
по своему князи» (ср. в «Слове»: «Уныша цвѣты жалобою и древо ся тугою къ земли прѣклонило»). Есть характерные выражения и в новгородских берестяных грамотах: например, из относящейся ко второй половине XII века грамоты № 724 мы узнаём, что предводитель отряда действительно называл своих людей «братия и дружина». В XII или XIII веке также написано одно из наиболее ярких произведений княжеской культуры — «Моление (или Слово) Даниила Заточника», оформленное именно как послание князю, которое содержит и неясные экзотизмы, и поэтические параллелизмы, и игру со словами (знаменитое «кому Боголюбово, а мне горе лютее»), а среди образов — перекликающееся со «Словом» «мыслию паря, аки орелъ по воздуху».

Нельзя не упомянуть также «Слово о погибели Русской земли» (между 1238 и 1246), которое появилось практически наверняка после «Слова о полку Игореве» и не могло на него повлиять, но принадлежит общей с ним эпохе и традиции. Их связывает как поэтический ритм, так и сочетание радостной и грустной эмоциональной окраски. «Слово о погибели Русской земли» открывается панегириком Руси («О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озёры многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полми, дивными звѣрьми...») и продолжается похвалой могущественному Владимиру Мономаху — ностальгией по ушедшему «золотому веку» Руси («старого Владимира» идеализировал и автор «Слова»). Дальше должно было идти описание разорения Руси татарами, но этот текст не сохранился.

Безусловно, «Слово о полку Игореве» связано с фольклором и народной поэзией; отсюда эпитеты типа «чистое поле», «синее море», «серый волк», «красные девки», «мутно текущие» реки.

Как она была опубликована?

Долгое время считалось, что первый публикатор «Слова о полку Игореве», граф Алексей Мусин-Пушкин, приобрёл сборник с его текстом в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле у архимандрита Иоилія (Быковского), которого некоторые скептики (прежде всего историк Александр Зимин) считали автором «Слова». В Ярославле этим гордятся, и в древнем монастыре есть даже музей «Слова», но теперь исследованиями Александра Боброва и других авторов доказано, что сборник был найден в 1791 году не там, а в Кирилло-Белозерском монастыре на Русском Севере в ходе розысков исторических рукописей, которые

Берестяная грамота с упоминанием посадника Захарии и Андрея Боголюбского.
Предположительно 1160–80-е годы

велись в соответствии с указом Екатерины II (кстати, там же полвека спустя отыскиали и одну из редакций «Задонщины»). Потом сборник был присвоен обер-прокурором Синода Мусиным-Пушкиным, который забрал его в свою коллекцию в Москве. Уже в 1792 году первые исследователи получили доступ к «Слову», а копия и перевод памятника были изготовлены и для самой императрицы. В ноябре 1800 года, уже в царствование Павла, в Москве вышло первое издание «Слова» тиражом 1200 экземпляров, подготовленное самим графом Мусиным-Пушкиным и двумя известными археографами* — Николаем Бантышом-Каменским и Алексеем Малиновским (в бумагах последнего сохранились выписки из рукописи), которые отвечали за научную сторону издания и имели, в отличие от графа, право вносить поправки в корректуру.

В состав первого издания «Слова» вошли подготовленный издателями параллельный перевод на современный русский язык, подстрочные комментарии, историческая справка и генеалогическая таблица. Издание было озаглавлено «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». Первое издание считается основным источником, по которому мы судим о «Слове». Хотя издатели

* Археография — историческая дисциплина, разрабатывающая теорию и практику издания письменных источников.

стремились готовить текст максимально точно, из-за чего набор и печатание шли медленно, фактически они не издали «Слово» буква в букву как в рукописи (как принято сейчас), а не избежали обычных для того времени процедур, слегка искажающих текст: привнесли элементы орфографии рубежа XVIII и XIX веков, раскрыли сокращения, унифицировали написание некоторых слов, проинтерпретировали ряд неоднозначных мест, а также, конечно, добавили отсутствовавшее в средневековых рукописях разделение на слова и фразы (это делают и сейчас). Книжка была уже отпечатана, когда обнаружилось противоречие между некоторыми примечаниями, и эти листы пришлось перенабрать и отпечатать заново.

Часть тиража первого издания сторела вместе с рукописью в доме Мусина-Пушкина, но всё же его экземпляров сохранилось несколько десятков, как в библиотеках, так и в частных собраниях, на бумаге разного качества и в разных переплётках. В XX веке издание 1800 года неоднократно переиздавалось репринтно.

Как её приняли?

О находке «Слова» сообщалось в печати ещё до выхода первого издания (например, Карамзин написал об этом в гамбургском журнале, выходившем по-французски, в 1797 году): текст знали по пересказам, а те, кому повезло, — и непосредственно по мусин-пушкинской рукописи. Более того, образ Бояна, позаимствованный из «Слова», в 1796 году успел попасть в поэму Михаила Хераскова «Владимир», а в примечании было кратко рассказано о новонайденном памятнике. Литература XVIII века — это уже литература авторская, поэтому Боян, от сочинений которого не сохранилось почти ничего, но зато до нас дошло имя, казался куда более важной персоной, чем оставшийся неизвестным автор реального древнего текста. Тот же Карамзин в написанном вскоре после выхода первого издания труде под названием «Пантеон российских авторов» посвятил первую главу именно Бояну (а не автору «Слова») и после рассказа о Несторе-летописце переходил сразу к XVII веку. В дальнейшем Боян, переименованный рядом авторов в Баяна, потому что это имя трактовалось как нарицательное, якобы от «баять», стал постоянным героем русской литературы как полупоэтический «первый отечественный поэт», которого не стеснясь ставили в один ряд с Петраркой и Парни. Известный фальсификатор Александр Сулакадзев сочинил от его лица неуклюжий «Гимн Бояна», в подлинность которого поверил сам Гаврила Державин.

Другая линия использования «Слова» в литературе 1800-х — эпико-героическая и патриотическая, диктуемая Наполеоновскими войнами. Характерно, что горестный пафос повествования о малоизвестном поражении древнерусских войск у современников первой публикации не нашёл отклика. Подражатели переделывали в своих вариациях поражение в победу, переносили образность произведения на другие сюжеты. Так это было сделано уже в средневековой «Задонщине»; несомненно, если бы «Задонщину», посвящённую знаменитой и победоносной Куликовской битве, нашли именно тогда, а не полвека спустя,

она стала бы не менее, а то и более востребованным текстом.

Поэты-сентименталисты начала XIX века восторгались также плачем Ярославны, который рано стал популярным сюжетом для переложений. Очень рано появилось и несколько русских переводов «Слова», прозаических и стихотворных, где текст нередко сокращался (например, удалялись исторические отступления) или дополнялся риторической отсебятиной в тогдашнем вкусе.

«Слово о полку Игореве» высоко оценили зарубежные учёные-слависты — немецкий историк Август Людвиг Шлёцер, первоначально сомневавшийся в подлинности находки, но поверивший в неё после выхода книги, чешский филолог Йосеф Добровский («Поэма об Игоре, рядом с которой ничего нельзя поставить!»).

Ещё до утраты рукописи прозвучали и первые сомнения в подлинности «Слова»: как раз в то время шла полемика об аутентичности песен кельтского барда Оссиана, с которыми «Слово» с самого начала постоянно сравнивали, — в итоге они оказались подделкой шотландца Макферсона. Среди скептиков были поляк Циприан Годабский (кстати, первый переводчик «Слова» на польский), профессор Московского университета Михаил Каченовский, археограф епископ Евгений (Болховитинов).

Василий Тропинин. Портрет Николая Карамзина. 1818 год. Карамзин посвятил Бояну первую главу «Пантеона российских авторов»

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru